

НАЦИСТСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ ГЕНОЦИДА И «ВЫЖЖЕННОЙ ЗЕМЛИ»

Исследованы механизмы нацистского геноцида на территории Беларуси: система гетто и лагерей смерти, карательные экспедиции, депортации на принудительные работы, политика искусственного голода и «выжженной земли».

Нацистский оккупационный режим на территории Беларуси в 1941–1944 гг. представлял собой целостную систему административных, полицейских и карательных практик, направленных на подчинение, сегрегацию и физическое уничтожение значительной части местного населения. Он сочетал идеологически мотивированную расовую политику с экономической эксплуатацией и военной целесообразностью, что обусловило широкую совокупность мер – от пространственной изоляции и трудовой мобилизации до массовых расправ и целевых операций «по зачистке» целых районов. В сумме эти практики формировали логику террора, чья конечная цель выходила далеко за пределы временного удержания оккупированных территорий: предполагалось радикальное преобразование демографического ландшафта и подавление любых оснований для сопротивления.

К базовым элементам этой политики относились институты гетто и концентрационных лагерей, служившие инструментами изоляции и селекции населения по расово этническому и социальному признакам. Эти пространства были намеренно сконструированы как зоны исключения – с минимальными нормами снабжения, отсутствием медицинской помощи и санитарии, постоянными ограничениями передвижения и угрозой произвольного насилия. Такая организация повседневности имела самостоятельный карательный смысл: даже без прямых казней создавался хронический голод, эпидемическая среда и психологическое истощение, что в сумме вело к высокой сверхсмертности и подрывало социальные связи внутри общин. Показательным примером является Минское гетто, официально созданное 20 июля 1941 г. и ставшее одним из крупнейших на оккупированной территории СССР. В различные периоды там удерживалось свыше 100 тысяч человек, обречённых на жизнь в условиях системного дефицита продовольствия и воды, антисанитарии и регулярного насилия со стороны оккупационных структур. Наиболее крупные акции по массовому уничтожению узников пришлись на осень 1941 г. и весну 1942 г., когда численность населения гетто была целенаправленно и резко сокращена. Значительная часть оставшихся была этапирована в лагерь смерти Тростенец, что отражало типичную для нацистской машины уничтожения связку «гетто – лагерь – ликвидация».

В лагере смерти Тростенец под Минском осуществлялись массовые расстрелы, сожжения тел, а также убийства с применением газовых машин («ду-

шегубок»), что обеспечивало быстрый и «технологичный» характер уничтожения. В Тростенец доставляли не только узников из Минского гетто и окрестных районов, но и депортированных из Германии, Австрии и Чехии; многие эшелоны подвергались фактической «молниеносной» ликвидации — в течение нескольких часов после прибытия. Сам лагерь, по оценкам исследователей, выполнял функции «фабрики смерти», интегрированной в более широкий контекст политики геноцида нацистской администрации в регионе.

Отдельного анализа требует обращение с советскими военнопленными. На территории Минска и области действовали крупные лагеря, где пленные содержались в условиях критического дефицита питания, отсутствия медицинской помощи и элементарных санитарных норм. Высокая смертность объяснялась не только нехваткой ресурсов. Пленные рассматривались как «расово и политически неполноценные». Значительная их часть погибла уже в первые месяцы оккупации от голода и болезней; уцелевшие зачастую расстреливались в ходе «зачисток» либо использовались на изнурительных работах до полного истощения.

Существенным элементом оккупационной практики стали депортации молодёжи на принудительные работы в Германию. Эти мобилизации одновременно решали две задачи: снабжали военную экономику Рейха дешёвой рабочей силой и демографически ослабляли оккупированные районы, вырывая из них самый активный трудовой контингент. Помимо прямого экономического эффекта, депортации формировали атмосферу постоянной уязвимости и страха, поскольку угроза вывоза на работы становилась ежедневной реальностью.

Политика «выжженной земли» институционально оформлялась через карательные экспедиции против населённых пунктов, заподозренных в связях с партизанами либо в «нелояльности». В её рамках целые деревни подвергались уничтожению: жилые постройки сжигались, хозяйственная инфраструктура разрушалась, жители расстреливались или гибли в огне. Эти действия должны рассматриваться не как спорадические эпизоды, а как сознательно выбранную стратегию лишения партизан продовольственной и социальной базы путём превращения обширных территорий в демографическую пустыню. Иначе говоря, «выжженная земля» выступала не вспомогательным приёмом, а системным элементом модели контроля над оккупированным пространством.

Важным компонентом террора были меры по созданию «контролируемого дефицита» – искусственный голод, изъятие урожая и продовольственных запасов, разрушение систем снабжения, ограничение либо прекращение медицинской помощи. Эта «экономика насилия» решала сразу несколько задач: повышала смертность среди «лишних» для оккупационного режима групп, снижала способность населения к самоорганизации и поддержке сопротивления, а также перераспределяла ресурсы в пользу военных нужд Рейха. В совокупности данные меры разрушали базовые механизмы воспроизводства жизни – от семейных хозяйств до муниципальных служб – и тем самым трансформировали социальную ткань региона.

Масштаб последствий этой политики для Беларуси измеряется не только числом человеческих жертв, но и глубиной структурных разрушений. По оценкам историков, из 2,5–3 млн погибших мирных жителей Беларуси подавляющее большинство стали жертвами именно геноцидной политики, сочетающей массовые казни, голод, принудительные работы и систематический террор. На территории Минщины эта модель проявилась в завершённом виде: связка гетто – карательные операции – лагеря смерти – депортации создавала «замкнутый контур» уничтожения, из которого уцелеть было почти невозможно. Одновременно были разрушены культурные и хозяйственные объекты, исчезли сотни населённых пунктов, возникла долгосрочная демографическая воронка. Эти эффекты нельзя рассматривать как «побочные» – они были неизбежным результатом целеполагания оккупационного режима, стремившегося не только к подавлению сопротивления, но и к радикальной социальной переконфигурации региона.

Особое значение в изучении оккупационной политики на территории Беларуси имеет анализ того, как нацистская администрация стремилась разрушить не только физическое, но и культурное пространство региона. Уничтожение архивов, образовательных учреждений, религиозных объектов, памятников и иных

носителей исторической памяти рассматривалось как способ подорвать локальную идентичность и лишить население культурных оснований для сопротивления. Параллельно применялась пропаганда, направленная на искажение истории и подрыв доверия к традиционным социальным структурам. Эти меры свидетельствуют, что политика геноцида включала также целенаправленную ликвидацию культурной среды, её корневых символов и механизмов передачи памяти – что вписывалось в более широкий проект долговременного преобразования белорусского общества в соответствии с расово колониальными установками Третьего рейха.

Подводя итог, следует подчеркнуть: нацистская политика на белорусской территории была не набором отдельных репрессивных мер, а продуманной системой управления, где каждый элемент – гетто, лагеря, массовые расстрелы, депортации, карательные экспедиции, искусственный голод и медицинская депривация – взаимно усиливал другие. Конечным результатом стала не только катастрофическая гибель людей, но и долговременное разрушение социального и культурного пространства, последствия которого ощутимы в исторической памяти и по сей день. Именно поэтому изучение данного комплекса практик требует опоры на документальные источники и локальные кейсы (Минское гетто, Тростенец, карательные операции), позволяющие реконструировать не только фактическую сторону, но и структурную логику геноцидной политики нацистского режима.

Список литературы

1. Новікаў, С. Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў. – Смаленск: Універсум, 2015. – 434 с.
2. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. / Л. В. Аржаева, К. И. Доморад, И. М. Игнатенко и др. – Минск : Беларусь, 1983-1985.
3. Хрестоматия по истории Беларуси: в 2 ч. / под науч. ред. К. М. Бондаренко. – Минск : Издательский центр БГУ, 2008.

Морозова Алина Денисовна, студентка 1 курса ФКСиС БГУИР, alinkambr@icloud.com

Лисовская Камилла Витальевна, студентка 1 курса ФКСиС БГУИР

Научный руководитель: Сугако Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин